

18+ Татьяна Вяткина

Согласные

сказки для взрослых

Татьяна Вяткина

Согласные. Сказки для взрослых

«Издательские решения»

Вяткина Т. М.

Согласные. Сказки для взрослых / Т. М. Вяткина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519419-0

Т. Вяткина. Согласные. Вы задумывались: жизнь в коммунистическом обществе — это рай для всех или не совсем так? «Лунная дорожка», «В жизнь сказочную!» — не менее интересные истории с захватывающим сюжетом.

ISBN 978-5-00-519419-0

© Вяткина Т. М.
© Издательские решения

Содержание

СОГЛАСНЫЕ	6
глава 1	6
глава 2	9
глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Согласные Сказки для взрослых

Татьяна Михайловна Вяткина

© Татьяна Михайловна Вяткина, 2022

ISBN 978-5-0051-9419-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОГЛАСНЫЕ

глава 1

– Следующий!

Яков робко открыл дверь и вошел в просторный кабинет. Его ослепил солнечный свет. Огромные окна, расположенные напротив двери и не закрытые жалюзи, заставляли каждого входящего в это помещение непроизвольно зажмуриваться от ярких солнечных лучей или прищуриваться в непогожий день. Через пару секунд вошедший, сфокусировав взгляд, видел внушительного вида мужчин и женщин, восседающих за длинным столом, застланным красной бархатной скатертью, как бы сошедших с небес в этот кабинет.

Члены комиссии, а это была комиссия по распределению потребностей, выглядели очень серьезными и усталыми. И ведь было от чего – почти четыре часа без перерыва определять потребности людей, входящих в кабинет, задача не из легких. Согласитесь, каждый день из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год выслушивать посетителей, потом совещаться и определять уровень их потребностей не всякому под силу...

– Фамилия, имя, отчество, – донесся до Якова строгий женский голос.

– Бероев Яков Германович.

Яков хмуро смотрел на сидящих за столом людей. Он знал, что еще не раз ему придется возвращаться сюда за получением разрешения на удовлетворение потребностей его семьи. Энтузиазма мужчине знание этой истины не добавляло. Яков понимал – члены комиссии не виноваты в его приходах в исполком, они всего лишь исполнители закона, но все равно их вид раздражал его ужасно.

– Та-ак, Бероев, – мужчина, занимающий центральное место среди восседающих за столом членов комиссии по причине должности «Председатель», о чем свидетельствовала табличка, стоящая перед ним на столе, поискал в стопке серых папок папку с фамилией «Бероев» и зачитал:

– Бероев Яков Германович, дворник. Семья из четырех человек. Жена – Бероева Маргарита Семеновна, уборщик в школе для детей пятой категории. Дети – Бероев Геннадий Яковлевич, двенадцать лет и Бероева Зинаида Яковлевна, девять лет, ученики этой же школы.

Члены комиссии облегченно вздохнули и радостно посмотрели друг на друга. Бывают приятные минуты в работе – семейка клад! Никаких проблем – все как на подбор!

– Ну что, товарищи, думаю все ясно? – откинувшись на спинку стула, спросил председатель повеселевшим голосом.

Засидевшиеся исполкомовцы согласно закивали головами. Каждому хотелось поскорее закончить надоевшую канитель и бежать в столовую поесть чего-нибудь вкусенького, положенного им по их потребностям третьей категории!

– Возьмите, Яков Германович, удостоверения для вас и членов вашей семьи. За прошедший квартал никаких изменений в вашей семье не произошло, и поэтому вы имеете право, как

и прежде, на минимальное удовлетворение потребностей, согласно пятой категории – хлеб, молоко, масло, сахар, соль, мука, яйца, картофель и другие сезонные овощи в вашем полном распоряжении в неограниченном количестве. Немного свинины и мороженой рыбы...

– Но мы же не едим свинину, – робко запротестовал Яков.

– Не привередничайте, – взвилась, гневно покраснев, полная женщина средних лет, почувствовав нависшую угрозу над исполкомовским обедом, – свинину они не едят! А что вы сделали, чтобы есть говядину или курицу? Работу поменяли? Образование получили? Какие ваши там потребности? Поест, поспать, да и на работу. Вам же не нужны театры, балеты, у вас же не болит голова о том, как построить новый исполком или как распределять потребности. Так что вот забирайте свои удостоверения и идите. Идите, уважаемый, и думайте. Думайте! Ум облагораживает человека. Никогда не поздно выучиться и поменять категорию. Учите детей. Может быть они, став взрослыми, не будут тут канючить, а по праву получают свою курицу и еще что получше. Все зависит от Вас, Яков Германович!

Члены комиссии кивали согласно головами в такт речи коллеги, которая по окончании отповеди с каким-то остервенением принялась махать перед лицом схваченной со стола папкой, пытаясь высушить капельки пота, выступившие над верхней губой.

Яков, молча забрал бумаги и вышел в коридор. В кабинет вошла худенькая женщина, но ее выбросил обратно рев нескольких голосов:

– Обед!!!

Бедняга, закрыв дверь, рухнула на стул, стоящий в коридоре.

Дверь кабинета тут же распахнулась и голодные кабинетные работники дружным строем прошествовали в столовую.

«О, Боже! – прошептал Яков, – за что это нам? И кому нужен был этот коммунизм?»

По пути домой он зашел в распределитель, набрал продукты, положенные по горькой пятой категории, неожиданно зашел в зону «4+», постоял нерешительно возле холодильника с морожеными цыплятами, к которому не подходил два года. Вспомнив невыносимо грустные глаза Маргариты и умильные мордашки детей, он не смог сдержаться и, не узнавая самого себя, открыл дверцу холодильника, взял замороженного цыпленка, упакованного в целлофан, и положил его на самое дно корзинки, завалив мукой, сахаром, яйцами. Страх сковал холодом пальцы Якова, пробежал морозными колючками от макушки головы до пальцев ног, но стыдно ему не было. После нравоучения исполкомовской дамочки, с ним что-то случилось. Казалось, внутренний стержень, на котором держалось тело и сознание Якова, дал трещину и вот-вот рухнет. Уверенность в том, что они живут правильно, и в самой правильной стране улетучилась в один миг. Вроде как пелена упала с глаз и души. По чьей вине он работает дворником? По вине родителей, которые не смогли дать ему достойного образования, потому что у них были потребности пятой категории, и им не полагалось учить своих детей в школе третьего или хотя бы четвертого уровня, дающего право на получение образования?

Во времена детства Якова, на заре коммунизма, да и потом, когда их самая лучшая и справедливая страна под бодрые марши и песни вела их по светлой дороге добра, не так зримо ощущалась разница между категориями потребностей. Во всяком случае, с продуктами проблем не было. На них не выдавались квоты. Каждый брал в магазинах, что хотел. Но видно,

что-то не так пошло в этой распрекрасной стране и вот уже два года как ввели квоту на продукты, одежду и обувь.

Яков, затаив дыхание, подошел к пункту потребконтроля, достал удостоверение и протянул контролеру.

– Пятая? – устало спросил паренек, сидящий за стойкой, – что там у вас?

– Мука, яйца, сахар, – торопливо стал перечислять Яков.

Контролер махнул рукой.

Ликуя, Яков вышел из распределителя.

«Оказывается, можно! Можно обойти их тупые законы!» – радовался он, представляя изумленные лица своих домашних и, что удивительно, не испытывая угрызений совести из-за украденного цыпленка.

глава 2

Радуюсь и одновременно злорадствуя, Яков подходил к дому. Воспоминания нахлынули на него. Почему-то вспомнился день прихода коммунизма. Еще вчера они жили в развитом социализме, и ничто не предвещало перемен. Утро того знаменательного воскресного дня началось с громкой музыки, несущейся из уличных динамиков. Бодрые песни и марши, зовущие на трудовые свершения сменил торжественный голос диктора:

– Товарищи! Дорогие товарищи! С огромной радостью и ответственностью передаю сообщение правительства: «Считать день первое апреля тысяча девятьсот восемьдесят пятого года Днем коммунизма! Сообщаем вам, дорогие товарищи, о переходе от развитого социализма к коммунизму! Да здравствует коммунистическая партия и весь советский народ!»

И опять понеслись из динамиков знакомые песни и марши порядком поднадоевшие, но почему-то всегда поднимающие жизненный тонус и вызывающие чувство гордости за свою страну.

Люди, открыв рты, стояли возле динамиков, надеясь услышать разъяснение этой сногшибательной новости. Как так? Никто ничего не говорил, по телевизору и в газетах никаких сообщений не было и вдруг – нате вам! Вот он наступил этот загадочный, туманный и, наверное, долгожданный коммунизм. Только непонятно с чего бы это. Неужели они все стали настолько хороши и поменяли свое мышление? Значит, нагоняющие сон лекции на бесконечных политзанятиях и политинформациях, на которые очень не хотелось ходить и от которых по всяким веским и не очень причинам старались отлынивать, возымели действие? Коммунизм казался чем-то нереальным, далеким, а каждый сам себе таким несовершенным, недостойным чести жить в славном обществе. Казалось, этот ответственный момент не наступит никогда. И вот – получите, товарищи, отныне вы живете в самом лучшем, самом гуманном, самом справедливом обществе!

Не дождавшись продолжения речей, устав от громкой музыки, люди в полном недоумении потихоньку расходились, вспомнив о своих делах. Утреннее сообщение огорошило всех, никто не представлял, что же будет дальше.

Яков, вернее Яшка, тогда он был школьником-семиклассником, с открытым ртом отошел от динамика и, забыв, что шел в магазин за хлебом, помчался обратно домой.

– Вы слышали? Коммунизм наступил! – открыв входную дверь, заорал запыхавшийся Яшка, промаршировавший семь лестничных пролетов.

– Какой коммунизм? Что ты несешь? – всполошился отец, бросив в раковину недомытую тарелку и вытирая мокрые руки о спортивные штаны.

– Полотенце не видишь, что ли? – закричала мать, – Яша, чего ты пыхтишь как паровоз?

– Не кричи, женщина. Слышишь, коммунизм наступил, – отбрил ее отец и, смеясь, потрепал сына по вихрастой макушке:

– Коммунизм говоришь? Вот, мать, шутник какой вырос. Первое апреля – никому не верю! Молодец, ну просто слов нет! Это же придумать такое! Юморист!

– Папа, я не шучу! При чем здесь первое апреля?

Внимательно посмотрев на сына, отец поинтересовался:

– Так какой там коммунизм наступил?

– Какой-какой? Коммунистический! Новости слушать надо. На улице в динамике объявили только что, – ответил раскрасневшийся Яшка.

– Вот, коммунизм наступил, а мы как всегда ничего не знаем, – злорадно посмотрела на отца мать. – А все ты! Не включай телевизор, не смотри ерунду! – передразнила она мужа.

– Любочка, не расчесывай мне нервы! Чему ты радуешься? – отец обнял жену за плечи и добавил:

– Еще неизвестно, что этот коммунизм нам принесет.

– Папа, ну ты даешь! Как что – это светлое будущее, и оно пришло!

– Люба, ты посмотри на этого патриота. РадуетсЯ коммунизму, как дяде родному, – с удивлением произнес отец.

Выбегая из квартиры, Яшка крикнул:

– Я за хлебом, забыл купить! Пап, позвони диспетчеру, там что-то с лифтом.

– Не работает?

– Да что-то с дверью непонятное. Пусть посмотрят.

А дальше все закрутилось и завертелось, и было абсолютно непонятно – за что привалило счастье населению этой страны.

В пятнадцать ноль-ноль в теле и радио- новостях объявили об отмене денег с завтрашнего дня. Это значило, что все, что есть в магазинах, отныне становилось бесплатным. Но так как мышление теперь у всех коммунистическое – брать надо по совести, то есть в запас не хватать. Единственное правило – иметь с собой паспорт, чтобы был виден состав семьи, справку с места работы или учебы, пенсионное удостоверение, потому как заповедь социализма «Кто не работает – тот не ест!» никто не отменял.

Новость шокировала народ. Как жить без денег? Разве такое возможно? Всякое бывало в этой стране, но чтобы вот так взять и оставить народ без копейки – да это же просто «Караул! Помогите!» А куда же девать припрятанные на черный день рубли? А зачем теперь на работу ходить, если денег не платят? Тысячу вопросов и ни одного ответа! Самые предприимчивые схватили кошельки и помчались в магазины за товаром – мало ли, что будет завтра! Вспоминая прошлые времена, и не зная чего ожидать от коммунизма, считали с полок в основном, хлеб, соль сахар, спички.

В понедельник население чудо-страны, получив необходимые справки, отправилось в магазины. Брали все, что видели. Трудно устоять и взять одну шоколадку, если знаешь, что денег за нее платить не надо. Рука так и тянется за второй, потом за третьей... Образовались очереди в кассы из-за предъявления документов и по случаю постоянного возврата товара. К слову, вместо привычных кассирш за кассами сидели серьезные молодые люди в добротных костюмах и при галстуках. Оказалось, новое мышление работает пока не на сто процентов, и по совести мало кто отоварился, в основном нагрузились, так сказать «про запас». Молодые люди строго указывали на данные паспорта, и пристыженные обыватели несли лишний товар на полки.

Но хуже всех пришлось одиноким тунеядцам. Без справки с работы никто не собирался давать им продукты. Ни слезы, ни мольбы не помогали.

– Оставьте товар и не задерживайте очередь, – как автоматы повторяли несчастливцам контролеры.

Через пару дней контроль сделал свое дело – люди успокоились, попривыкли и паспорт, с вложенной в него справкой, или пенсионное удостоверение стали эквивалентом денег.

Через неделю магазины приобрели обычный вид. Люди заходили в них сугубо по делу, то есть, чтобы взять необходимый товар. В промтоварных и мебельных магазинах особого ажиотажа не наблюдалась из-за скудности ассортимента. Правительство успокоило народ, пообещав исправить в ближайшее время эту недоработку.

К слову, тунеядцы пропали как класс. Засунув свои амбиции в глубокие пустые карманы, они устроились на работу. Престиж профессии значения не имел – кушать хочется всем: и профессору, и ассенизатору.

Даже сосед Николаша, никогда нигде толком не работавший, промышлявший сдачей пустых бутылок, устроился грузчиком в магазин. Правда, несколько раз он приходил к родителям Якова попросить то хлеба, то соли и к соли, пытаясь оттянуть свое устройство на работу. В один не самый лучший день он появился на пороге квартиры Бероевых и, как обычно, завел свою песню:

– Тетя Люба, что за жизнь настала – без справки как без рук. Помогите. Дома стерильно, как в операционной. Хоть бы крошка завалилась.

Мать Якова, уставшая содержать бездельника, молча намазала маслом кусок хлеба, а когда губы Николаши сложились в трубочку для воздушного поцелуя, что являлось предвестником очередной просьбы, показала ему свой паспорт, в котором красовалась запись о единственном сыне и пристыженный Николай, поблагодарив тетю Любу за доброту, пошел искать работу. А уже к вечеру довольный сосед возвратился домой, неся заслуженную авоську с продуктами.

Начался бум поездок на юг! Билеты бесплатные! В самых сладких снах не могло такое присниться! Даже семья Якова никогда не выезжавшая дальше областного центра, собиралась в путь.

Однажды, придя с работы, отец Якова скомандовал:

– Так, семья, собираемся на юг! Сегодня написал заявление на отпуск, на днях отправляемся.

– Герман, ты хорошо подумал? – спросила мать, – а как же твои клиенты? Как заказы?

– Какие клиенты-шленты? Люба, да когда же ты думать начнешь? Ну что мне теперь с этих клиентов? Что они мне могут дать? Закончились клиенты. Теперь все в общую очередь в государственное ателье пожалуйста, – злорадно, но одновременно и с облегчением парировал отец, – Ты посмотри, что вокруг делается! Симоновичи уже завтра вылетают в Крым, а Ивановы три дня назад уехали и никому не сказали, подлецы. Все втихомолку делают.

– Ура-а! – закричал Яков, – мы едем на юг! Папа, а куда поедет?

– Сынок, завтра подумаем об этом. Куда билеты будут, – махнув рукой, ответил отец.

В эти счастливые несколько дней сборов на юг главным в квартире стал огромный чемодан, обосновавшийся на диване, в открытую пасть которого каждый день добавлялись очень приятные глазу вещи: кепки, шорты, шлепки, надувной круг для мамы, не умеющей плавать.

Но неожиданно южный бум потерпел крах. Неорганизованные отдыхающие, не отдохнувшие и злые, возвращались домой – снять жилье, вернее жить в благословенных южных краях стало нелегко! Квартиросдатчики, не видя замены денежным знакам, давали приезжим от ворот

поворот. Можно было брать с приезжих плату продуктами, но как-то несолидно выглядел такой бизнес. Остались, конечно, в теплых краях и родители, и родственники с друзьями, но это был уже не тот размах.

Власти в таком повороте событий ничего дурного не видели. Наоборот, без усилий был полностью закрыт теневой рынок квартирных услуг. Отдых стал полностью окультуренным – только по путевкам профсоюзов. Транспорт избавился от ненужных перегрузок, а города на морских побережьях от нехватки рабочих рук. Квартиродатчикам пришлось устраиваться на работу, чтобы не пропасть с голоду.

Чемодан убрали с дивана до лучших времен, то есть до получения профсоюзной путевки, а это значит – на очень неопределенное время. Яшка еще несколько дней, глядя на ставший каким-то одиноким диван, не верил в такой облом. Все казалось – вот сегодня мама опять достанет огромный чемодан, раскроет его пасть, и сборы на юг продолжатся.

За лето все устоялось и казалось, уже давным-давно никто не пользовался деньгами. Удивительно, но отмена денег очень положительно сказалась на работоспособности трудящихся. Оказалось, самое важное в жизни не деньги, а еда. Можно было достать из укромных местечек когда-то с любовью сложенные туда денежные знаки, и сходить с ними в отхожее место – на большее они не годились. Да если уж быть объективным, то и для указанного места не очень-то хрустящие бумажки подходили.

А вот без еды не долго протянешь. Это понимал каждый член коммунистического общества. Умирать с голоду никто не хотел. А Работы хватало всем. Предприятия теперь не зависели от бюджетных или внебюджетных средств. Поэтому каждому работающему поручался определенный небольшой участок работы, и требование было только одно – безукоризненное выполнение своих обязанностей. Любому обратившемуся за работой всегда находилось дело.

Тяжело пришлось пьяницам и прогульщикам. Через месяц после наступления коммунистической эры вышел закон, гласивший, что третья запись в трудовой книжке об увольнении за прогулы или пьянство означает для уволенного голодную смерть. Брать на работу такой несознательный элемент никто не имел права. Но странно – истощенных трупов или бомжей на улицах не было видно. Ходили слухи о каком-то месте, в которое свозят несознательных граждан. Сознательность трудящихся, боящихся потерять работу, подняла производственные показатели во всех сферах деятельности, и экономика страны за короткое время сделала гигантский рывок вперед.

Вторая, не очень приятная перемена ворвалась в жизнь людей первого сентября.

Нарядных детишек, пришедших в школы после летних каникул, ждала не очень приятная новость. Оказалось, многим из них придется уйти из родных школ в другие. Связано это было с гигантской работой, проведенной руководством страны по делению населения на пять категорий.

Отныне к самой низкой пятой категории относилась огромная масса людей, не имеющая никакого образования, кроме общеобразовательного. Соответственно, к ним же относились и их несовершеннолетние дети, которые на этот момент не успели нигде поучиться, кроме школы.

К четвертой категории отнесли население, имеющее во время прихода знаменательного события, профессиональное или среднее специальное образование и работающее на заводах, фабриках возле станков и в различных конторах.

В третью категорию попали счастливицы, имеющие высшее образование и работающие в различных госструктурах.

Самыми счастливыми оказались граждане, попавшие во вторую и первую категорию. Ко второй относились все, кто составлял так сказать первый круг власти, ну а к первой соответственно, руководитель страны и все его заместители.

Некоторые семьи имели по две категории в зависимости от образования супругов.

Все эти изменения коснулись сначала только школьников, которым пришлось менять место учебы.

Яшка по своему семейному статусу оказался в школе пятой категории, расположенной в самом дальнем районе города. Его отец, замечательный портной, к несчастью был самоучкой. Дар шитья передан ему по наследству и не был подтвержден дипломом какого-нибудь учебного заведения. Но отсутствие специального образования не мешало ему работать в самом лучшем ателье города и, кроме этого, иметь постоянных частных клиентов, готовых платить ему немалые деньги за пальто и костюмы «От Германа». Мама Якова сразу после окончания школы вышла замуж, потом родился Яков, требующий неусыпного внимания, да и супругу, вечно корпевшему над шитьем, необходим был полноценный уход. Все это не способствовало получению какой-нибудь профессии, кроме профессии домохозяйки.

Друг и одноклассник Якова Костик остался в прежней школе, имеющей теперь статус третьей категории. Друзья были расстроены, но поделать ничего не могли. Яков долго привыкал к новой школе, одноклассникам, к дороге в школу, которая теперь занимала гораздо больше времени.

Постепенно взбудораженное население страны, хотя и не понимало для чего ввели такие новшества, успокоилось и, как оказалось, совершенно напрасно. К концу учебного года на общих школьных собраниях ученикам и их родителям зачитали постановление правительства, которое гласило, что ученики, окончившие школу пятой категории, не имеют права на поступление ни в какие учебные заведения, ученики четвертой категории могут поступать только в профессиональные училища. И только выпускники школ третьей категории могут отправляться на учебу в институты и университеты.

Народ онемел или скорее оцепенел. Но вслух выражать свои эмоции за этот год люди разучились. Коммунизм кормил их досыта, обувал и одевал, а всякие недовольства еще неизвестно к чему приведут. Нет больше такой страны в мире. Где еще человеку не надо беспокоиться о хлебе насущном?

Яшка, разумеется, очень расстроился. Его мечта стать инженером превратилась в недостижимую. Но впереди было три года учебы, и маячила надежда на отмену ограничений.

Как оказалось, он зря возлагал надежды на время. Новые веяния набирали ход, не делая ни шагу назад, а только вперед.

Летом объявили о возможности некоторым детям перейти из пятой категории в четвертую, а в дальнейшем даже и в третью. Правительство приняло решение о постепенном переводе армии в профессиональное русло. Для этого объявили набор в детские военные школы-интернаты. Принимали в них и девочек и мальчиков с одиннадцати лет. Поступление в военные школы детей из семей пятой категории автоматически переводило их в четвертую. Родителей новшество не касалось. После окончания школы выпускники отправлялись служить в армию. Отныне это была их профессия. А если по окончании школы выпускник решал получить образование в высшей военной школе, он становился обладателем третьей категории и после выпуска занимал командные должности в армии. Через шесть лет армия получила первых профессиональных солдат, и срочный призыв отменили.

Яшка не воспользовался этой возможностью из-за возраста, но не очень жалел об этом, потому что никогда не мечтал стать военным.

Да и многие родители с опаской смотрели на, казалось бы, хорошую возможность для своих детей. Страшновато отпустить свое одиннадцатилетнее чадо от себя считай что навсегда. По законам школ-интернатов никаких родительских посещений не разрешалось. Только летом на две недели детям предоставлялся отпуск для посещения родителей.

Странно, оказалось, в общем-то, несправедливое решение правительства о невозможности продолжать учебу детям пятой категории, не очень тяготило людей. На кухнях обывателей шли примерно такие разговоры:

– Миша, ну что рвать подметки? Какая разница, кем станет наш сын. Ведь кусок хлеба и все необходимое к нему ему обеспечено. Жилье он получит сразу после школы. А если женится, так и вовсе в отдельной квартире будет жить.

– Знаешь, Маша, наверное, ты права, – лениво потягивая сигарету после сытного ужина, отвечал супруг, – помнишь, как мы мучились без жилья в свое время, а теперь – нате вам! Подумаешь, не станет инженером, не в этом счастье. И, знаешь, Маша, зря мы боялись коммунизма. Глянь-ка, какая благодать вокруг – работай, ешь, живи и не беспокойся о завтрашнем дне. Никаких тебе денег. Никогда они, проклятые, не кончаются. Никаких забот. Пошел в магазин, набрал все что надо и живи себе, радуйся. Чего еще надо?

– Ой, Миша, не знаю, – начинала тревожиться Маша, – а как же мечты и любимая профессия? Пусть даже и без зарплаты, но работа должна приносить удовлетворение.

– Вот умеешь ты испортить настроение, – недовольно бурчал муж, – давай лучше завтра возьмем себе новый диван. Посмотри, этот уже совсем протоптался.

– Как скажешь, – вздыхала Маша.

Поговаривали, правда очень тихо и, оглядываясь, что всех несогласных с новыми законами вместе с семьями вывезли куда-то на самый дальний остров, откуда самостоятельно выбраться никак не получится. А их жилье теперь с такой легкостью раздают народу. Выходило, что несогласных оказалось много, судя по квартирам, которых теперь хватало всем, правда и новых строилось немало.

К тому же, того, кто срывался и выходил за рамки законов, постигала участь несогласных – все тот же остров.

Яшка подозревал, что его одноклассник Витька попал вместе со своей семьей в то таинственное место. Мальчишки сдружились после перехода в новую школу. Часто ходили в гости друг к другу. Яшка любил бывать у Виктора. В их семье всегда было как-то тепло и уютно. Правда, в последний приход отец товарища был сильно расстроен. Мальчишки слышали разговор родителей, уединившихся в спальне.

– Не переживай, Федя, все обойдется, – ласково звучал голос матери Витьки.

– Да что обойдется? Собирай вещи, говорю тебе. Виноват я перед вами. Не смог смолчать. Вывел меня этот гад Евсеич. Достал своей политинформацией. Сколько можно слушать бредятину? Кому это интересно? А бесконечные субботники на благо страны? Никаких нервов не хватает. По мне, так лучше бы деньги вернули, пусть бы до полочки не хватало, брали бы займы у кого-нибудь, зато сами себе хозяева были. Вспомни – жилось как-то веселее, дышалось что ли.

Стали слышны всхлипывания матери.

Витька побледнел. Яшка пытался его подбодрить, но мальчишка только вымученно улыбался. Яшка попрощался и пошел домой. После этого они с Витькой не виделись. Одноклассник не появлялся в школе. Через несколько дней Яшка решил навестить товарища.

Дверь открыла незнакомая рыжая девочка. Яшка знал, что сестры у Виктора нет.

– Витя дома? – удивленно спросил он.

– Какой Витя? Здесь мы живем. Уже три дня, – весело отчиталась девчонка.

– А Виктор?

– Откуда я знаю, где твой Виктор! Давай проваливай, – разозлилась рыжая и захлопнула дверь.

В школе никто не спрашивал и не говорил об отсутствии Виктора, как будто он и не учился в этом классе!

Вот так легко и просто наступил коммунизм и полностью завладел умами людей. Все были сыты, обуты, имели жилье. Даже пьяницы, которых не мог побороть никакой режим, были повержены коммунистическим воспитанием, и переквалифицировались в нормальных трудяг. Указ правительства, гласивший, что работник более трех раз появившийся на работе или в общественном месте в любой степени алкогольного опьянения немедленно будет отправлен все на тот же остров, заставил их задуматься.

В каждом городе и селе самых неисправимых, тяжело больных алкоголизмом, в один прекрасный день усадили в зарешеченные грузовики и под громкие марши, несущиеся из динамиков, и прицелы кинокамер отправили на таинственный остров. По всем телевизионным каналам несколько раз была показана эта коллективная ссылка, которая явилась своеобразной кодировкой для оставшихся выпивох.

Тунеядцы давно забыли о прошлой лентяйской жизни и с удвоенной энергией трудились, используя свой залежавшийся трудовой потенциал и многие из них шли в первых колоннах демонстрантов в самый лучший, самый главный праздник страны – День коммунизма!

По своим масштабам этот праздник перекрыл все ранее проводимые. Утренние демонстрации трудящихся перетекали в праздничные концерты, в которых основное место занимали песни и стихи, прославляющие коммунизм. Потом на стадионах и площадях на огромных экранах демонстрировали художественные и документальные фильмы все с той же славной подо-

плекой. И к ночи, конечно, гремели салюты, под которые все дружно пели гимн! Все это сопровождалось запахом шашлыков и другой вкуснятины, в изобилии готовящейся прямо на улицах для поддержания праздничного духа у трудящихся.

Но основным в этом празднике было беспрекословное присутствие каждого на всех этих мероприятиях. Каждый член коммунистического общества, начиная с семилетнего возраста, обязан чтить славные традиции. Освобождались от участия в празднике только тяжело больные, младенцы и кормящие матери. Странно, очень быстро забылось, что первое апреля когда-то считали самым веселым днем в году, в который все шутили, смеялись, устраивали веселые розыгрыши. Теперь в бывший день смеха с утра и до вечера полагалось славить руководство страны, и всякие смешочки стали совершенно не к месту.

Яшка вместе с одноклассниками тоже радостно шагал в стройных колоннах демонстрантов, нес транспарант с портретом вождя, и иступленно кричал «Ура-а!», проходя мимо трибуны, на которой стояли высокие чины, причастные к счастью трудового народа. Странно, каждый раз шагая мимо трибуны и скандируя «Ура!», Яков чувствовал комок, подступающий к горлу, готовый вылиться слезами благодарности за светлое настоящее, пришедшее в их страну.

В тот миг куда-то далеко отступали его мечты, друг Витька и был только всеобъемлющий восторг от возможности, подаренной судьбой – жить в этой стране и желание еще раз пройти мимо трибуны и прокричать благодарное «Ура!»

глава 3

На следующий день после окончания школы Яшка, вернее уже Яков, вместе со своими одноклассниками заселился в молодежное общежитие. По коммунистическим законам общежитие предоставлялось всем выпускникам школ. Причем желания переселиться в общежитие не требовалось. Это было законом. Жить с родителями после окончания школы не полагалось. Общежития делились на рабочие и студенческие. После женитьбы или замужества парам предоставлялись квартиры, сначала однокомнатные, а по мере пополнения семейства молодежь перебиралась в более просторные жилища.

Чтобы жилищный фонд не потерпел крах, ввели новшества и для взрослого населения. Менялось место жительства не только детей, но и родителей. После заселения ребенка в общежитие пересматривались метры жилплощади родителей. И после ухода младшего ребенка родители оказывались в однокомнатной квартире. Граждане, достигшие восьмидесятилетнего возраста, независимо от состояния здоровья переселялись в дома престарелых.

Счастливики, построившие в докоммунистические времена кооперативные квартиры, попали в общий поток. Их жилплощадь точно также постепенно ужимали, а их дети уходили жить в общежития. Но это было лучше, чем выразить протест и переселиться на страшный неизвестный остров. Все же некоторые не выдерживали, вспоминали, как собирали копейку к копейке на покупку своей квартиры, цеплялись за некогда свои стены и тем самым освобождали жилплощадь, получив взамен таинственную ссылку.

Исключение составляли горожане и сельские жители, живущие в собственных домах. Их из домов никуда не переселяли до наступления восьмидесятилетия.

Домам престарелых уделялось большое внимание. С приходом коммунизма из убогих заведений, в которых в период социализма доживали свой век никому не нужные старики, они превратились в комфортабельные жилища. Теперь каждый житель страны понимал что, дожив до определенного возраста, окажется в таком доме. Поэтому почва готовилась заранее. Хорошие ремонты, прекрасные условия, замечательное питание и обслуживание были вкладом в собственную старость. Кроме этого, школы тесно сотрудничали с домами престарелых. Начиная с пятого класса, каждый школьник один раз в неделю обязан был навестить своих подшефных, погулять с ними на улице, поразвлекать чтением или настольной игрой. Дети часто устраивали концерты, в которых с удовольствием принимали участие и жители домов престарелых. Ведь среди них были представители самых разных профессий, и артисты в том числе. Старики не успевали почувствовать себя одинокими и никому не нужными. Иногда им даже хотелось тишины и покоя, но школьники обязаны были выполнять свой долг!

Дети и внуки тоже не бросали родителей. Считалось дурным тоном не навещать постаревших родителей.

Работать жителям домов престарелых не запрещалось. При желании они продолжали трудиться. Но таких индивидуумов было не много.

Беззаботная жизнь и хороший уход часто толкали немолодых обитателей этих домов в объятия Амура, которому было все равно кто перед ним – девушка или старушка, парень или дед. Любовные стрелы делали свое дело и очень часто одинокие люди находили в этих сте-

нах свое позднее счастье, создавали семьи и жили парами. Супруги, сохранившие брак до преклонного возраста, вместе переезжали в дома престарелых.

В этих заведениях не было разграничения по категориям. Старость объединяла всех.

Молодая коммунистическая поросль также не была обделена вниманием государства. Яков едва успел распаковать вещи, принесенные из дома, пытаясь создать уют в довольно просторной комнате, в которой ему теперь предстояло жить с двумя своими бывшими одноклассниками, как прибежала комендант общежития и велела всем идти в актовый зал на встречу с представителями исполкома.

Оказалось, исполкомовцы пришли провести своеобразное распределение на работу вновь прибывшей молодежи. Сначала им была прочитана яркая лекция о важности и нужности всех профессий. О том, что стабильность государства зависит от каждого из них. Ведь в большом станке важен каждый, даже самый маленький винтик, порой не заметный с первого взгляда. Стоит отвалиться винтику и остановится станок, не сможет работать дальше. Так вот и каждый член коммунистического общества должен безукоризненно трудиться на своем рабочем месте и помнить о маленьком винтике и стараться, чтобы винтик не открутился и не упал со станка. Молодежь громко и долго аплодировала мужчине, пламенно произнесшего эту трогательную речь. Концерт, прозвучавший после лекции, еще больше поднял трудовой дух ребят. Скажи им прямо сейчас: «Берите лопаты, метлы и вперед на работу!» Помчались бы, не раздумывая! Сейчас им казалось, что важнее и лучше их будущих работ нет ничего на свете. Все просто горело желанием поскорее получить направление на работу.

После торжественной части и концерта ребятам выдали направления на работу.

В направлении, выданном Якову, было написано, что отныне он работает дворником в детском саду. Морально к этому парень готовился уже целых три года, поэтому трагедии не делал, понимая, что по-другому не будет.

Началась новая трудовая жизнь. На следующий день Яков вышел на работу, получил форменную одежду, рабочий инструмент, осмотрел объект и спокойно приступил к делу. Теперь ежедневно в шесть часов утра в любую погоду он со своей метлой находился на рабочем месте. Странно, работа дворником не омрачала жизнь Якова. Территория детского сада занимала довольно большую площадь и предаваться мрачным мыслям было некогда. Работа требовала усердия. Трава на участке детсада росла быстро, косить ее приходилось часто. Дорожки после прогулок детворы были засыпаны песком, листья с деревьев от малейшего дуновения ветра осыпались на землю, так что уборки хватало.

А по вечерам в общежитии скучать не приходилось. Молодежь бесконечно устраивала какие-то самодеятельные концерты, танцы. Комендант общежития тоже не отставала и регулярно организовывала для проживающих встречи с пожарными, врачами, милицией, выполняя план идеологической и воспитательной работы. По пятницам обычно проходили вечерние политинформации, явка на которые была обязательной. Отсутствовать разрешалось только серьезно заболевшим и работающим в ночную смену. Все остальные причины влекли за собой серьезные последствия. Вернее одно – таинственный остров. Поэтому явка на это мероприятие всегда была стопроцентной.

В том же общежитии Яков познакомился с Маргаритой. Жизнь обрела смысл. Теперь каждый день Яков спешил с работы, чтобы поскорее увидеться с Ритой. Оказалось, у них много общего. Девушка тоже когда-то мечтала стать технологом и работать на заводе. Она также как и Яков, несколько лет надеялась на перемены, но так и не дождалась их. Совместные переживания еще больше сблизили молодых людей. Поняв, что жить друг без друга не могут, ребята зарегистрировали брак и тут же получили однокомнатную квартиру.

Часто по вечерам, лежа в кровати, тесно прижавшись друг к другу, они рассуждали, как все-таки хорошо жить в своей квартире, не заботиться о еде и одежде. Ну и пусть работа не престижная и не любимая. Можно и потерпеть... А что еще оставалось делать?

Жизнь тем временем не стояла на месте, все в ней шло своим чередом. Через год Маргарита родила сыночка Геночку. Кроме родительского счастья это важное событие дало им право на переезд в двухкомнатную квартиру. Не успев, как следует, обжиться на новом месте, пришлось опять собирать вещи. Дочка Зиновья, родившаяся через три года, была виновницей переезда семьи в шикарную трехкомнатную квартиру!

«Ну и пусть я дворник, ну и пусть Маргарита уборщица. Зато как хорошо мы живем. Все у нас есть», – часто вечерами думал Яков, глядя на резвящихся детей, бегающих из комнаты в комнату, на румяную Маргариту, выглядывающую временами из кухни, откуда плыли аппетитные ароматы, заставляющие Якова глотать слюнки.

Дети росли, родители работали. Гена подрос и отправился в школу, в которой когда-то учился Яков. Через несколько лет и Зиновья в коричневом форменном платье и белом фартучке, заняла место за партой в первом классе все той же школы.

Раз в три года исполнялась детская мечта Якова – он со своей семьей отправлялся на юг! Правда, эти поездки были сугубо по профсоюзным путевкам. Но ничего плохого в этом не было, кроме того, что случались поездки не каждый год.

Кстати, родители Якова тоже с интервалом в несколько лет, выезжали к морю! Но чемодан был уже не тот – вещей для двоих требовалось гораздо меньше.

Иногда перед сном Яков вспоминал свое детство, свои несбывшиеся мечты. Но уже не мог представить, как могла бы сложиться по-другому его жизнь. Разве мог бы он прожить без своей любимой Маргаритки, своих ребятишек? Да и как-то страшно было вспоминать о том, что когда-то за все рассчитывались деньгами. А что, если бы их не хватало? Как жить? Ведь как здорово – зайти в магазин и взять любой необходимый товар, не задумываясь о плате. Правда иногда не бывает в магазинах нужных вещей или продуктов. Вот с сапожками для дочки и жены проблема. Никак не могут найти приличные, все какая-то ерунда попадается. Но разве это главное? У них есть хорошее жилье, дети растут, не доставляя хлопот. Родители тоже еще довольно крепкие. Воспоминания и мысли убаюкивали мужчину, и он засыпал сном удовлетворенного жизнью человека.

Когда Гене исполнилось одиннадцать лет, Яков задумался о возможности изменить судьбу сына. Поделился мыслями с Маргаритой. Несколько вечеров, закрывшись в кухне, они пытались найти правильное решение. Оставить все как есть, и уготовить Гене такую же судьбу, как и у них или отдать сына в военную школу-интернат? Решение не приходило. Лишить сына дома и семьи, отдать его с детства в казарму, превратить в солдафона, но зато дать ребенку

возможность перейти в четвертую категорию, а потом может и в третью – как родителям пойти на это? Наконец Яков решил поговорить с сыном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.